

О НОВАЦИЯХ В ДИПЛОМАТИИ РОССИИ КОНЦА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII СТОЛЕТИЯ

Борис Столпаков *

В статье исследуются исторические предпосылки формирования системы дипломатической службы в России. Автор анализирует период 30-х годов XVII века, отмечая, что именно в это время закладывались основы российской дипломатической системы. В статье цитируются редчайшие исторические документы, посвященные истории организации шифрованной связи.

Принято считать, что современная европейская дипломатическая система с её обязательными заграничными представительствами сложилась в России в царствование Петра Великого. Превращение старой российской модели дипломатии, с византийскими корнями, заметно отличалась от современной системы. Если раньше к основным задачам русской дипломатии относились контроль и наблюдение за сношениями с границей, то с петровских времён задачей стало расширение внешних связей в интересах государства [1]. Конечно, замена дипломатической системы осуществлялась не вдруг. Серьёзные предпосылки к такой замене появились в России ещё в начале 30-х годов 17 века при правлении царя Михаила Фёдоровича Романова. В подтверждение этого тезиса мы приведём здесь некоторые новые факты.

Временной отрезок 1628-1633 годов представляется очень важным для нашей темы. Дипломатическую деятельность Московского государства в те годы подробно исследовал Б.Ф. Поршнев [2]. Проведя глубокий анализ международных связей, он установил, что именно тогда Московское государство окончательно вошло в европейскую политическую жизнь.

В конце 20 – начале 30-х годов 17 столетия внешнеполитическую деятельность русского правительства направлял патриарх Филарет. Верительные грамоты иностранных представителей в ту пору представлялись в двух экземплярах: один – великому государю царю, другой – великому государю святейшему патриарху.

Понимая неизбежность войны за Смоленск с Речью Посполитой и учитывая слабость своих военных сил, патриарх Филарет стремился к созданию коалиции заинтересованных государств. Международная обстановка давала такой шанс. Это было время Тридцатилетней войны, разделившей Европу на два лагеря. В ту пору Польско-литовское государство примыкало к австро-испанской Габсбургской коалиции. Их противники Дания, Голландские штаты, Англия, Франция, Турция, Венгрия, особенно Швеция, активно пытались привлечь Московское государство на свою сторону.

Московское государство «стремилось знать состояние всей системы европейских государств и действительно имело о нём представление. Оно знало не только друзей и врагов Польско-литовского государства, но даже и врагов его друзей и друзей его врагов» [3].

Посольский приказ проводил кропотливую работу по отстаиванию российских интересов при составлении договоров с будущими союзниками. Как известно, особенно тесные отношения установились со шведским королём Густавом-Адольфом. К лету 1632 года были полностью согласованы союзный русско-шведский договор и время его подписания. По существу Московское государство и Швеция уже действовали как союзники. Начавшаяся война за освобождение Смоленска стала составной частью Тридцатилетней войны, Москва праздновала победы шведов в Германии народными гуляниями и даже салтовала им «из 100 штук оружия».

* Столпаков Борис Владимирович, доцент, кандидат физико-математических наук

Подписание союзного договора не состоялось из-за гибели Густава-Адольфа в выигранном его войсками сражении 16 ноября 1632 года и перемен в шведской политике. Но это не повлияло на план открытия в Стокгольме постоянного представительства Московского государства. А уже с марта 1631 года в Москве постоянно жил шведский резидент Юхан Мёллер «для ведения всех явных и тайных дел», согласно королевскому указу.

Здесь важно проследить, насколько капитально готовились в Москве к созданию постоянного представительства в Швеции, чтобы понять, был ли этот шаг эпизодом или началом перемен в организации внешнеполитических связей. Мы остановимся лишь на одном аспекте подготовки, а именно на организации связи с представительством в Стокгольме.

Безусловно, при этом учитывались наблюдения за шведским представительством в Москве. Шведский резидент обеспечивал оперативную связь руководителей двух государств. Кроме того, уже вскоре он поступил и на русскую службу - поэтому патриарх Филарет имел возможность лично убедиться в пользе такой связи. Можно предположить, что он составил представление и о криптографии, применявшейся шведским резидентом: по указанию патриарха переписка Мёллера периодически перлюстрировалась.

Документы, хранящиеся в фондах Государственного архива древних актов РФ, позволяют составить представление о действиях московской власти по организации связи, в том числе зашифрованной, со своим представительством в Стокгольме. Эти документы свидетельствуют, что уже в тридцатых годах 17 столетия правители Московского государства не только ясно осознавали необходимость зашифрования дипломатической переписки, но и принимали соответствующие решения. Доказательством тому служит архивное дело, датированное 8 августа 1633 года.

В деле содержатся 10 документов, главный из них (рис.1) имеет следующее содержание:

«(7)141 (1633) августа в 8 день Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руссии дал такую азбуку и склад затайным писмом (цифирную азбуку, т. е. шифр, и пример его использования - Б.С.) думному дьяку Ивану Грязеву (главе Посольского приказа - Б.С.), написал своею государевою

святительскою рукою, для своих государственных и посольских тайных дел: люболучится (если понадобится - Б.С.) в которых государствах их Государским послом и посланником или также их агентом писати о каких великих их государских делах, и им писати к ним государем таким затайным письмом, чтоб было в тех землях не знатно»[4].

Учитывая фактическую роль патриарха Филарета в управлении страной, следует признать патриаршее указание документом высокой государственной значимости. Это первый по времени из известных ныне документов, регламентирующих криптографическую деятельность в России.

Важность рассматриваемых документов подтверждается и тем, что указание патриарха Филарета, безусловно, выполнялось. Уже в 1634 году патриаршая цифирная азбука была дана дворянину Дмитрию Франзбекову, отправленному в Швецию резидентом.

Перед командировкой он основательно практиковался в шифровальном деле в Посольском приказе. Об этом свидетельствуют документы, помещённые в одно дело с указанием патриарха.

Весь комплекс документов, содержащихся в деле, представляет собой, как оказалось, оригинальное учебное пособие по криптографии, вероятно, первое в отечественной практике[5].

Можно предположить, что учебное пособие было составлено при личном участии патриарха Филарета, его рукой зашифрован текст: «господину ивану кириловичю (Грязеву - Б.С.) дмитрей франзбекъ челомъ бьетъ» (рис.2).

Таким образом, мы имеем директивный документ с детальной проработкой его практической реализации в пособии. Добавим, и фактически реализованный в дипломатической работе, учитывая командировку Д. Франзбекова в Швецию.

Вероятно, обучение Д. Франзбекова криптографии происходило весной 1633 года. В таком случае следует рассматривать указание патриарха Филарета как документ, завершивший формирование учебного пособия и придавший ему особый статус.

Документы, связанные с командировкой Д. Франзбекова, прежде всего наказ, свидетельствуют об уже налаженном в Посольском приказе порядке работы с шифр-документами.

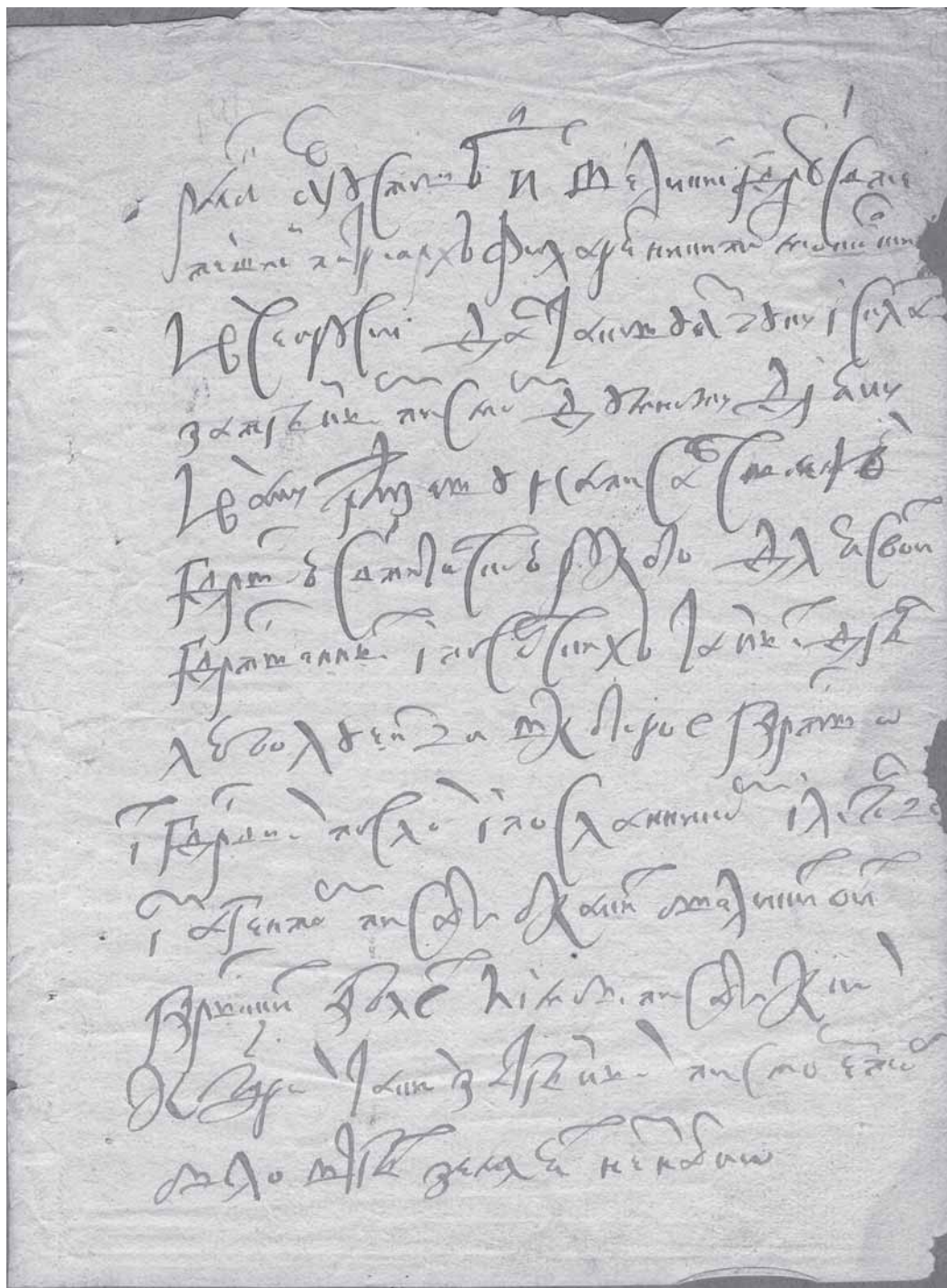

Рис.1. Указание патриарха Филарета[5].

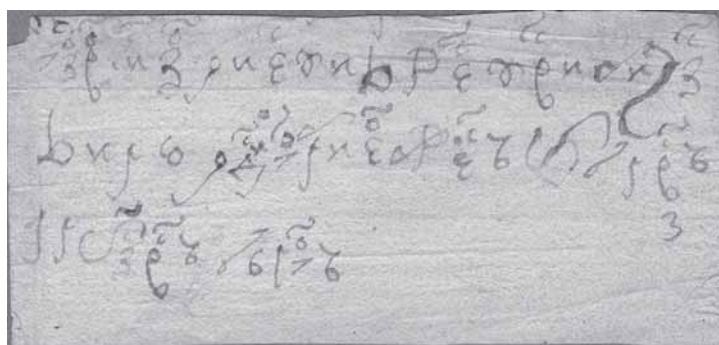

Рис.2. «Склад затаённым писмом», автограф патриарха Филарета[5].

«И как Дмитрею лучитца из Свее писать к Государю о каких о их Государственных о тайных делех, и Дмитрею о тех о тайных делех писати ко Государю. А про те тайные дела и про затейное письмо подъячей Иван Исаков и иной ни кто отнюдь не ведал, и чёрные отписки о тех тайных делех тем же затейным писмом держати у себя бережно, чтоб о тех о тайных делех и про затейное письмо опричь его Дмитрея подъячий Иван Исаков и иной никто однолично не проведал»[6].

Упомянутый здесь подъячий был послан специально для письма, но, как видим, шифрованная переписка осуществлялась особо.

Посылать шифрованное письмо можно было лишь с особыми гонцами.

«Тако же бы и посылати то письмо ко Государю с гонцы, с теми детьми Боярскими, которые для тех посылок с ним посланы с великим же береженьем и приказывати им накрепко, чтобы они то тайное письмо довозили до Москвы бережно и никому б в Свейских городех и в государеве земле про то письмо однолично не объявляли. А на Москве то тайное письмо подавали Боярину Князю Ивану Борисовичу Черкасскому».

Наказ оканчивается следующим заключением:

«Да что он Дмитрий, будучи в Свее по сему тайному наказу о тех и о иных о каких тайных делех и каких тайных вестей проведает, и ему о всем писати ко Государю Царю Великому Князю Михаилу Фёдоровичу всея Руси к Москве, - по сему Государеву тайному наказу закрытым писмом».

Первым из исследователей обратил внимание на цитированные документы член-корреспондент Императорской академии наук Александр Николаевич Попов в 1853 году.

Изложив их содержание, А.Н. Попов сделал важный вывод:

«Приведённая записка Посольского приказа и наказ Франзбекову могут служить ясным доказательством, что Московская дипломатия со времён первых Царей Дома Романовых считала необходимым употребление тайнописи в посольских сношениях. Причину этой меры можно полагать в том, что с этого времени начались постоянные резиденты иностранных держав при дворе Московском»[7].

Обратим внимание, что А.Н. Попов связал начало постоянного употребления дипломатической тайнописи в России с появлением иностранных резидентов в Москве в начале 30-х годов 17 столетия.

Приведённые здесь документы не остались без внимания и у последующих исследователей[8].

Для нас особенно важна преемственность представлений о необходимости резидентуры в Стокгольме и об использовании криптографии в русской дипломатии, продемонстрированная Посольским приказом. Несмотря на изменения, произошедшие после смерти патриарха Филарета 1 октября 1633 года и во внешней политике, и в её кадровом обеспечении, курс на создание заграничного представительства и применение криптографии остался неизменным.

Д. Франзбекова готовили и отправляли в длительную командировку. Возможно, что при благоприятных обстоятельствах в Стокгольме утвердилось бы первое русское постоянное государственное представительство. В апреле 1636 года Д. Франзбекова отозвали назад. Но шведский агент продолжал жить в Москве, как и агенты других стран.

По мнению автора, детальная проработка вопросов шифрованной связи с представительством в Стокгольме, составление пособия для обучения шифрованию свидетельствуют не только о весьма развитой отечественной криптографической деятельности, но и о наметившемся в начале 30-х годов 17 столетия вхождении Московского государства в новую дипломатическую систему, формировавшуюся тогда в Европе. Именно в ту пору были усвоены мысли о создании постоянных резидентур, навешанные наблюдением за деятельностью иностранных агентов в Москве. Тогда же сложилось понимание необходимости постоянных источников надёжной информации о зарубежье и регулярной шифрованной связи. Весьма значимым здесь представляется указание патриарха Филарета, фактического соправителя государства. Время создания документа – 8 августа 1633 года, вероятно, заслуживает достойного упоминания как одна из памятных дат в истории государственных служб России.

ON NOVELTIES IN RUSSIA'S DIPLOMACY AT THE END OF THE 1ST THIRD OF THE 17TH CENTURY

The paper examines the historic prerequisites for building the diplomatic service of Russia. The author analyzes the 30s of the 17th century pointing out that it was at that time that the foundation of the Russian diplomatic service was laid. The unique historic

documents related to the formation of encrypted communications system are cited.

Boris Stolpakov,
Candidate of Science (Physics, Mathematics),
Associate Professor

Ключевые слова:

Московское государство, дипломатическая служба, патриарх Филарет, Посольский приказ.

Keywords:

Moscow state, diplomatic service, Patriarch Filaret, Ambassadorial Department

Литература:

1. Дипломатическая служба / Под редакцией А.В. Торкунова. М., 2002. - 688 с.
2. Поршневу Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. - 437 с.
3. Там же. С. 178.
4. РГАДА. Ф.167. 1633 г. Ед. Хр.1. Л.1.
5. Столпакув Б.В. Время создания первого отечественного учебного пособия по криптографии – 1633 год // Открытое образование. М., 2012. № 4. С. 82-88.
6. Попов А.Н. Прибавление к статье о дипломатической тайнописи в древней России // Записки императорского Археологического общества. СПб., 1853. Т. 5. С. 127.